

Рустем Вахитов, Уфа

ЗАКОН РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

ПОПЫТКА ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ ПО ЗАПАДНОМУ ТИПУ, ПРЕДПРИНЯТАЯ В РОССИИ В ДЕВЯНОСТЫЕ, ВМЕСТО ОЖИДАЕМОГО МОДЕРНИЗАЦИОННОГО РЫВКА ПРИВЕЛА К АРХАИЗАЦИИ...

Сейчас уже с уверенностью можно сказать, что попытка либерализации по западному типу, предпринятая в России в 1990-е годы, привела вместо ожидаемого модернизационного рывка... к архаизации. В области промышленности мы наблюдаем настоящую деиндустриализацию. Значительная часть производств разрушена, оборудование разворовано и распродано, помещения используются как здания вещевых рынков или складов.

Практически исчезли целые отрасли российской промышленности, такие как текстильная, швейная. До последнего времени перед угрозой уничтожения стоял автопром.

Но самое главное – в значительной степени уничтожен промышленный пролетариат и инженерно-техническая интеллигенция. Люди, которые делали боеголовки ракет и двигатели для истребителей, в лучшем случае занимаются мелкой торговлей на рынках, в худшем – живут за счет натурального хозяйства со своих пригородных земельных участков (гордо именуемых в России дачами). Вовлечение значительной части городских россиян, еще некогда бывших высококвалифицированными работниками современной промышленности, в фактически натуральное хозяйство – это феномен, о котором задумывается мало кто из социологов и философов. А ведь это и есть откат от индустриального общества к архаичному – разрушение промышленности и расширение натурального хозяйства.

Причем, если в городах этот процесс не повсеместный, то деревня большей частью перешла к натуральному хозяйству. Как бы мы ни ругали советские колхозы и совхозы, но они были островками современной модернистской цивилизации в российской деревне.

До коллективизации крестьяне жили в избах с соломенными крышами, зимой вместе со скотом, страдали от педикулеза, не знали нижнего белья и мирились с огромной детской смертностью. Коллективизация принесла в деревни радио, школы, медпункты, библиотеки, клубы. С 1960-х годов крестьяне стали получать пенсию, как и городские жители, то есть они уже были вовлечены в денежный обмен с городской цивилизацией, а значит, стали превращаться в ее часть. В 1990-е цивилизация из деревни ушла. Упразднили колхозы, закрыли клубы, стали закрываться больницы и школы. Из благ цивилизации остался один телевизор, но утверждать, что современное телевидение несет просвещение – значит, совсем его не знать. Алкоголизм, высокая смертность (в том числе и от суицида), отток молодежи в города, переход к безденежному, чисто натуральному хозяйству, направленному на выживание – вот реалии современной деревни.

Еще один важный фактор – перестали работать советские социальные лифты. Люди из низших слоев практически больше не поднимаются в высшие (как это было в советские времена, когда существовали партия, комсомол, которые позволяли комбайнерам становиться высшими чиновниками). В итоге высшие слои населения – политическая и бизнес-элита пополняются главным образом за счет своих детей и внуков. То есть в стране возрождается архаическое сословное общество, где власть и деньги передаются по наследству – отцов к сыновьям.

Проблема состоит в том, что застрельщики либеральных реформ, приступая к целенаправленному изменению советского общества в конце 1980-начале 1990-х, стремились вовсе не к этому. Своей задачей они считали такое перереформирование советского общества, которое превратило бы его в общество западного капиталистического типа, которое ими воспринималось как универсальная норма. Достаточно перечитать публицистические выступления теоретиков демократии конца 1980-х (Гайдар, Чубайс, Заславская) и увидим, что их претензии распространялись гораздо дальше стремления «спасти от голода», «наполнить прилавки товарами», что они стали ставить себе в заслугу после очевидного провала либеральных реформ. Тогда у них

речь шла о том, чтоб «догнать» наиболее экономически развитые страны Запада.

Причем, они мыслили переход к капитализму в согласии с одной жесткой идеологической парадигмой. Суть ее была в том, что достаточно приватизировать госсобственность, как появятся энергичные люди – российские капиталисты, которые совершат новый модернизационный рывок; ведь прогресс и революция составляют сущность деятельности буржуазии, как об этом писали еще Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии».

Главное, как считали наши либералы – это максимальное дистанцирование государства от сферы экономики, превращение его в «ночного сторожа», цель которого – оберегать собственность от посягательств и не более того. Государство, по их мнению, всегда выступает как начало, сдерживающее индивидуальную частную инициативу и таким образом мешающее прогрессу экономики.

На Западе Нового времени так оно и было. Аристократическое монархическое государство там мешало уже зародившейся буржуазии как кассу органических модернизаторов проявить все свои возможности. Разрушение этого государства и создание нового пробуржуазного, пресловутого «ночного сторожа», которое произошло в ходе европейских антифеодальных революций, открыло путь для буржуазной индустриализации.

Однако в России все сложилось иначе. Своей буржуазии у нас не было, советские полукриминальные теневые бизнесмены на эту роль не годились, потому что весь их бизнес (например, спекуляция дефицитными товарами) был паразитарным придатком к советской плановой экономике и с ее крушением терял всяческий смысл (нет дефицита – нет и сверхприбылей). Создать буржуазию в колбе реформ из советских комсомольских вожаков не удалось – они были свехэффективны, когда от них требовалось то, к чему они и так привыкли – делить государственный ресурс, но это качество было как раз противопоказано «строителям капитализма». Суть этого строительства – первоначальное накопление для создания индустрии, а не разрушение индустрии для создания собственных состояний.

Иными словами, государство сознательно отказалось от проведения модернизации, а класс буржуазии, который на Западе ее и произвел, у нас отсутствовал. И страна начала постепенно скатываться в архаизацию.

Все дело в том, что в России именно государство всегда – начиная с эпохи Петра Первого а то и раньше – выступало как главный модернизатор. Именно государство у нас насаждало железной рукой промышленность, новые формы управления, институты просвещения, а общество – сопротивлялось (Петру приходилось заставлять дворян учиться под страхом наказания, учение было повинностью, вспомним фонвизинского Митрофанушку).

Государство создавало для этого специальный класс, вернее даже сословие или псевдосословие модернизаторов: при Петре это было дворянство, при Сталине – партноменклатура, на членов которого возлагалась обязанность строить заводы создавать школы и университеты, ездить за границу и учиться там всем полезным новшествам. За это им полагались льготы и преференции, но при невыполнении обязанностей их ждало строгое наказание. Но и они в большинстве своем (за исключением единиц энтузиастов) сопротивлялись модернизационной воле правителя и стремились льготы расширить, а обязанности свести к минимуму.

И как только железная хватка государства разжималась – на место сурового модернизатора вроде Петра или Сталина приходил властитель слабый и лукавый вроде недоброй памяти Горбачева – как сразу государственные мужи и бывшие модернизаторы этого добивались. Свои обязанности они минимизировали, свои привилегии превращали в безусловные и наследственные.

И общество начиналось катиться в архаизацию под радостные возгласы интеллигенции о либерализме и свободах...

Таков закон российской истории. И события последних 20 лет его еще раз подтвердили... ▲